

Родной дом

Валентину Распутину

Снова в тесном дому соберёмся,
Три окошка—к реке под бугор...

А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листья не осталось—
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадёжно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землёю,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

Причал

Показался за мысом
Дощатый причал.
«Здравствуй!»—крикнуть хотелось,
Но я промолчал.

Переплавишь ли чувства
В скупые слова?
И к лицу ли, как в детстве,
Кричать в тридцать два?

Рябь студёной волны.
И по коже—мороз!
В горле вдруг запершит
От непрошенных слёз.

Ветер, славя простор,
Над рекою крепчал...
От тебя расходились дороги,
Причал!

И скрипел твой настил,
Как солдатский ремень.
Ты всегда по-мужски
Чувства прятать умел.

Провожая людей,
Крепче в берег вралал.
Так не каждый из нас
Верен отчим местам.

Ты распутывал здесь
Узел встреч и разлук...
Вот и дым над избой—
Как спасательный круг.

Светлой памяти моей матери

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам—
Воспалёнными глазами
Я тебя среди них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.

Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «Ту».

Близость встречи или ветер
Подгоняют, торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!

Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день,
А навсегда.

Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...

В темноте белеет ставень.
Брату, что ль, в конце пути
Это право предоставить—
В двери первому войти?

Но, ссутулившись угрюмо,—
Отрешённо одинок—
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.

В нетерпенье— не в испуге—
Он потребовал: «Входи»,—
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.

Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.
А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.

Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.

Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра,
Дал право
Оставлять меня одну?»

Ни тепла в избе,
Ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»

Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
Почему она,
Живая,
Так печётся о себе?

Но когда не голосила,
Обессиленная, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.

Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук—
Подступивших слёз
Аркан.

Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду
Мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?

Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь?
Вот!

Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну а Саня вновь растянет
Для тебя огонь-меха!

Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.
А захочешь, я останусь—
Буду рядышком с тобой.

Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьётся раненым тайменем
В сетях ночи
Тишина.

Деревня

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.
Я вырос в деревне.
Я вырос
В краю, где до неба стога.

Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари,
Как на ладони,
Всегда человек на виду.

Настырный—
Наивный по сути!—
Да и на подъём не тяжёл,
Чтоб в городе «выбиться в люди»,
Я рано отсюда ушёл.

Дорогой проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу...
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,

Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

У Могилы Неизвестного солдата

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы—пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
Или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть,
Переобуться
И, похоронке вопреки,—

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

С отвоёванного детства,
Пережитого сполна,
Мне досталась в наследство
Только Родина одна,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих надо мной,
С городами и лесами,
Опалёнными войной.
Жизнь свою по воле сердца
Прожигая на бегу,
Неделимое наследство
От пожарищ берегу.
И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытиё,
С речкой,
С лугом,
С голосами
Птиц, поющих в вышине.
С городами и лесами,
С добрым словом обо мне.

Колокольчики

Колокольчики,
Колокольчики—
Ни конца вам, ни края нет.
То ли морюшко,
То ли полюшко—
Этот пляшущий синий цвет...

Озорная пора,
Озёрная!
Я и вспомнить теперь не смогу,
Сколько их,
Колокольчиков, сорвано
На ребячьем моём веку.

Я их ставил в стакан.
Подравнивал.
На пол стряхивал муравья.
Каждый—
Словно птенец подраненный—
Крылья медленно расправлял.

Снова в детство
Вернуться хочется
И по синему полю брести...
Колокольчики,
Колокольчики,
Обеззвученные в горсти.